

РУПАСОВ Александр Иванович / RUPASOV Alexander

Санкт-Петербургский институт истории РАН / St. Petersburg Institute of History,
Russian Academy of Sciences

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

rupasov_ai@mail.ru

РЕЦ. НА КН.: *Ritvanen J.-M. Mureneva kulmakivi: Suomi, Neuvostoliiton hajoaminen ja YVA-sopimus loppuvaiheet 1989–1992. Helsinki: Siltala, 2021. 350 s.*

REVIEW OF: Juha-Matti Ritvanen. *Mureneva kulmakivi. Suomi, Neuvostoliiton hajoaminen ja YVA-sopimus loppuvaiheet 1989–1992* (Helsinki: Siltala, 2021), 350 p.

Ключевые слова / Keywords: Финляндия, СССР, Россия, Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, 1980–1990-е гг., Мауно Койвисто, М. С. Горбачёв / Finland, USSR, Russia, the Treaty of Friendship, Co-operation and Mutual Assistance, the 1980s–1990s, Mauno Koivisto, Mikhail Gorbachev

Ускорившаяся к концу 1980-х гг. динамика перестроечных процессов в СССР с неизбежностью диктовала Финляндии необходимость оценки перспектив двусторонних отношений. Именно этому и посвящена монография Ю.-М. Ритванена¹, название которой — «Крошащийся краугольный камень» — не вполне точно передает её содержание, поскольку отражает не столько слаженную «работу в камнедробилке» двух сторон процесса, а в основном только одной, тогда как вторая в силу дряхления и безволия часто оставалась вялой, пассивной (хотя иногда и провоцирующей).

Историк Юха-Матти Ритванен (Университет Турку) отнюдь не является первым финским исследователем, кто обращается к данной теме, однако он первый, кто настолько основательно, педантично попытался раскрыть её читателю. Обилие взаимосвязанных проблем, характерных для того краткого периода, который охватывает его исследование — 1989-1992 гг. — с неизбежностью создавало для автора сложности со структурой книги. Полностью устранить их ему не удалось, вынуждая довольствоваться в ряде случаев скромной описательностью (например, в отношении процессов в прибалтийских республиках СССР). Если эволюцию взглядов и оценок президента Мауно Койвисто на отношения с СССР и Российской Федерацией автору удалось показать очень ярко, то признать успешным выявление взглядов лидера СССР Михаила Горбачёва на отношения с Финляндией можно едва ли (впрочем, имелось ли у Горбачёва какое-либо собственное мнение о Финляндии?). В последнем случае автор не виноват — имеющиеся в его распоряжении источники не позволяют это сделать. Вместе с тем он и не предпринял видимых усилий, чтобы сделать какие-либо выводы из той разноголосицы мнений и косвенных оценок советских партийных и государственных деятелей, которыми

---

¹ *Ritvanen J.-M. Mureneva kulmakivi: Suomi, Neuvostoliiton hajoaminen ja YVA-sopimus loppuvaiheet 1989–1992. Helsinki, 2021.*

буквально пестрит его сочинение. Ритванен фактически уклонился от выяснения позиции главы МИД СССР Эдуарда Шеварднадзе в переговорах осенью 1990 г., когда финская сторона поставила вопрос об отмене т. н. военных статей мирного договора. Пожалуй, прояви автор большее внимание к вопросу о взаимосвязи внутриполитической борьбы в СССР с конкретными внешнеполитическими актами (а не только к процессу переговоров об объединении Германии), то скорее всего, ему пришлось бы внести коррективы в излишне прямолинейно истолкованные им слова, например, того же Г. Янаева или Б. Аристова (s. 247). Уместно ли принимать на веру сказанное Янаевым в 1991 г. на том основании, что в начале 1970-х гг. тот занимался вопросами молодежи и его тогда знали в Финляндии (s. 154).

Для Финляндии изменения во внутренней и внешней политике СССР создавали предпосылки для отказа от ряда положений Парижского мирного договора 1947 г. и Договора о мире, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г., которые неизменно оценивались в Хельсинки как ограничивающие суверенитет страны. Именно по этой причине Ритванен уделяет особое внимание тем внешним фактам, которые послужили импульсом к началу внутриполитической дискуссии в Финляндии. Одним из таких фактов стало получение в октябре 1988 г. финским кадровым дипломатом, бывшим послом Финляндии в ООН и Швеции Максом Якобсоном предложение главы Агентства печати Новости Валентина Фалина написать статью о советско-финской войне 1939–1940 гг., которая была бы без цензуры опубликована в СССР. В статье, напечатанной в месячном приложении к центральному органу КПСС, «Правде», Якобсон назвал главным виновником войны Сталина (s. 49). Во время визита в Москву в апреле 1989 г. глава президентской канцелярии Яакко Калела выяснил, что в СССР были готовы пойти далее этой статьи. Тогда прозвучали намёки на возможность посещения Горбачёвым во время визита в Хельсинки кладбища героев в Хьетаниemi, что можно было бы расценивать как принесение извинений за войну (идея не была поддержана в международном отделе ЦК, секретариате Горбачёва и в руководстве МИД СССР). Позже, во время своего визита в Хельсинки в октябре 1989 г., Горбачёв — что отметила финская пресса — в своей речи не упомянул линии Паасикиви-Кекконена, а главной темой переговоров было сокращение так называемой восточной торговли. Извинений финская сторона не дождалась.

Как подчёркивает Ю.-М. Ритванен, ещё до того, как желательность внесения изменений в договоры 1947–1948 гг. стала предметом публичной дискуссии, 7 марта 1989 г. министерство обороны Финляндии подготовило меморандум, в котором анализировало ограничивающие положения Парижского мирного договора, связанные с Германией и Японией. В министерстве планировали

приобретение военных материалов в этих странах. Считалось, что благоприятная внешнеполитическая ситуация и особенно улучшение отношений СССР и ФРГ позволяют поставить вопрос о пересмотре ограничений договора. В феврале 1990 г. министерство обороны направило соответствующий меморандум в МИД Финляндии. Глава политического отдела МИД Яакко Блумберг также присоединился к мнению, что указанные ограничения являются устаревшими. Обоснованием для этого суждения являлось то, что СССР в феврале отказался от сопротивления объединению Германии (s. 37–38).

Ю.-М. Ритванен обращает внимание на сохранение рядом политических деятелей осторожности в отношении резких изменений внешнеполитического курса Финляндии. Президент М. Койвисто только после того, как в Москве промолчали на выраженное кандидатом в президенты Пааво Вяюрюненем желание добиться полноправного членства в Совете Европы, дал своё согласие на решение этого вопроса. Однако, когда в мае 1989 г. Финляндия получила членство в Совете, глава МИД Пертти Паасио особо подчеркивал: «Ни при каких обстоятельствах мы не станем членом Европейского Сообщества. Цель превращения Сообщества в политический союз препятствует этому» (s. 81). А осенью 1989 г. Койвисто, возражая Вяюрюнену, заявил: «Мы продолжаем линию Паасикиви-Кекконена, линию добрососедства, политики активного нейтралитета» (s. 82–83).

Тему изменений положений договора о дружбе одним из первых поднял депутат парламента Ристо Э. Й. Пенттиля в январе 1990 г. (s. 89). (Как напоминает Ритванен, ещё в 1970 г. глава МИД В. Лескинен заявлял, что ссылки в договоре на Германию после подписания в том году соглашения СССР с ФРГ утратили своё значение — s. 90.) Оценки происходивших в СССР внутриполитических процессов не позволяли на тот момент делать однозначных выводов. Именно поэтому прежняя осторожность вынуждала П. Паасио утверждать, что у Финляндии нет планов ставить перед СССР вопрос о договоре (хотя он и рискнул сказать, что тема может обсуждаться). Однако премьер Харри Холкери тоже считал, что нет оснований для изменения основ политики безопасности страны. И если Макс Якобсон предлагал подождать развития ситуации в Европе, то бывший посол, а теперь директор банка Яакко Илониemi полагал, что у России был, а у СССР есть в отношении Финляндии «легитимный интерес безопасности» и потому основания для изменения договора отсутствуют (s. 91).

На рубеже 1989–1990 гг. вероятность принципиальных изменений в отношениях с СССР всё чаще стала увязываться с развитием ситуации в Центральной и Восточной Европе. И если президент Койвисто, как отмечает Ю.-М. Ритванен, ссылаясь на интервью президента газете *Kainuun Sanomat* в начале апреля 1990 г., признавал улучшение обстановки в Европе, но предостерегал

от того, чтобы делать далеко идущие выводы, то в центральном аппарате МИД исходили из того, что объединение Германии создаёт совершенно новую ситуацию для Финляндии, позволяющую отказаться от т. н. военных статей мирного договора. Уже в мае того года эта тема стала публично обсуждаться, когда депутат парламента от Коалиционной партии Тууре Юннила сделал запрос о влиянии военных статей на суверенитет страны, считая, что правительство должно начать переговоры об их отмене (s. 99). Тогда же сотрудник центрального аппарата МИД Рене Нюберг спланировал т. н. *Operaatio Pax*, предусматривавшую последовательность действий и своего рода график действий, направленных на изменение статей Парижского мирного договора (s. 98–100). После того, как были согласованы условия объединения Германии, МИД Финляндии в августе — сентябре подготовил проект решения правительства об аннулировании военных статей Парижского мирного договора. Предложенная МИД процедура не соответствовала прописанной в тексте договора: обмен нотами с СССР и Великобританией считался в сложившихся исключительных обстоятельствах ненужной тяжёлой процедурой. Позже Койвисто признавал, что первоначально отклонил односторонний способ решения.

Ю.-М. Ритванен особое внимание уделяет такой теме, как стремление Мауно Койвисто получать информацию о происходящем в СССР от широкого круга лиц. В числе их оказывались академики Г. Арбатов (s. 197, 204), Абель Аганбегян (s. 145), социолог Татьяна Заславская (s. 175) и многие другие. Кроме того, Койвисто через главу своей канцелярии Яакко Калелу поддерживал постоянные неофициальные контакты с резидентом КГБ в Финляндии Феликсом Карасёвым (генерал Феликс Сутырин; его воспоминания под названием *Naapurinpojan miistelmät* были опубликованы в 1998 г.) для выяснения как мнений, так и настроений в советском политическом руководстве. Ритванен признаёт, что получаемая через Карасёва информация далеко не всегда отражала мнение высшего политического руководства СССР, чаще она отражала мнение лиц, довольно далеко отстоящих от власти. Карасёв сам мог признавать это. Тем не менее он оставался одним из каналов получения той информации, которая учитывалась Койвисто. 4 сентября 1990 г., не информируя МИД, Койвисто дал указание Калеле встретиться с Карасёвым. Ещё одним из тех, чьё мнение учитывалось в Хельсинки, был советник Горбачёва по внешнеполитическим вопросам А. Черняев. Так, именно Черняев сообщил Калеле, что Горбачёв готов к переговорам по поставленному финской стороной вопросу и относится к вероятному решению благожелательно. Хотя на последовавших переговорах Горбачёва и Койвисто последний не затронул эту тему (в отличие от экономических вопросов), но поведение Горбачёва было истолковано президентом Финляндии положительно, поскольку советский лидер сохранял спокойствие. Ритванен полагает, что, вероятно, в силу огромного числа

внешнеполитических и прочих проблем у Горбачёва не было достаточного интереса к проблемам Финляндии. Это утверждение Ритванена по своей военной статье мирного договора. По крайней мере, в последнем случае основанием может служить ход ряда бесед финского посла в Москве Хейкки Талвитие с заместителем министра иностранных дел Юлием Квицинским, на которые ссылается Ритванен (s. 111–112, 114).

Когда Х. Талвитие и Я. Блумберг 17 октября 1990 г. прибыли в МИД СССР, чтобы сообщить о решении Финляндии, то они оказались удивлены тем, что Юлий Квицинский ждал их с текстом мирного договора на столе. Более того, исходный тезис финской стороны, согласно которому аннулирование военных статей мирного договора вытекает из самого факта объединения Германии, Квицинский (бывший ранее послом в Бонне) не разделял. Как подчёркивает Ритванен, хотя ещё в сентябре 1990 г. глава МИД П. Паасио заявлял, что формулировки договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи не требуют изменения в связи с объединением Германии, в аппарате МИД всё же сочли возможным доложить Койвисто, что объединение позволяет считать упоминание Германии в договоре устаревшим (автору, быть может, следовало остановиться подробнее на взаимоотношениях главы МИД с кадровым составом центрального аппарата министерства по принципиальным политическим вопросам). Ритванен, ссылаясь на Юрия Дерябина, полагает, что отказ Финляндии от статей с упоминанием Германии не являлся проблемой для СССР, но МИД СССР не был готов официально одобрить такое решение. На переговорах с Талвитие Квицинский заявил, что понятие, которым оперируют финны, — «политика безопасности» — довольно расплывчатое, и спросил, нельзя ли его определить более точно (s. 111). Он также выразил удивление тем, что в финском заявлении речь идёт только о приобретении ядерного оружия. Спешка, в которой в Финляндии принималось решение, вызывала беспокойство в Москве. Об этом, в частности, командующему силами обороны адмиралу Яну Кленбергу говорил посол Б. Аристов (s. 113). Ответом на решение Финляндии стала советская нота от 9 ноября, которую в Москве не хотели предавать гласности в силу внутриполитических обстоятельств (рост критических настроений в отношении проводимой Горбачёвым политики как в партийном руководстве, так и в силовых структурах).

Озабоченность советской стороны стало вызывать и оживление в Финляндии дискуссии о возвращении Карелии. Накануне встречи главы МИД П. Паасио и Э. Шеварднадзе (15 ноября 1990 г.) финский министр отвечал на запрос парламентария Мариты Юрва, намерена ли финская сторона приступить к переговорам о возвращении т. н. Утраченной Карелии. Министр ответил,

что финская сторона не намерена ставить вопрос о возвращении утраченных по Парижскому договору территорий (s. 115).

На рубеже 1989–1990 гг. внимание Койвисто всё больше стала привлекать внимание фигура Б. Ельцина. Изначально (впрочем, и позже) он скептически относился к этому политическому деятелю. Летом 1990 г. Койвисто прочитал книгу Ельцина «Исповедь на заданную тему», констатировав по прочтении, что у того нет никакой программы. С осторожностью финская сторона относилась к контактам с представителями республиканских властей РСФСР, что проявилось во время визита главы внешнеполитического ведомства А. Козырева в октябре 1990 г., когда П. Паасио согласился только на неофициальный характер встречи (s. 145). В МИД Финляндии полагали, что и Ельцин, и Горбачёв исходили из одной посылки — необходимости сохранения положения СССР как великой державы. Такая же осторожность была проявлена в декабре 1990 г., когда директор Постибанка Сеппо Линдблум сообщил об обращении председателя Центробанка РСФСР Г. Г. Матюхина с просьбой о размещении депозита в 500 млн. долларов США. В просьбе было отказано, так как она не была согласована с позицией центрального руководства СССР (s. 146). Негативное отношение к Ельцину обуславливалось и тем, что тот выступил с инициативой создания российских сил безопасности, армии и т. д., за раздел ядерного оружия. Койвисто не верил, что Ельцин может возглавить СССР, считая позицию вице-президента Г. Янаева очень важной (об этом он упомянул в беседе с премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брундтланд в январе 1991). С самим Янаевым Койвисто встретился во время визита в Осло, особо поинтересовавшись характеристикой Ельцина. Возможность лично пообщаться с последним впервые представилась президенту Финляндии во время визита в Москву 25 июня 1991 г. Прямолинейность Ельцина не произвела на Койвисто хорошего впечатления. Ельцин отверг участие России в советско-финляндской экономической комиссии, заявив, что «внешняя торговля принадлежит России» (s. 172).

Особое внимание Ритванен обращает на комплекс проблем, связанных с ситуацией в прибалтийских республиках СССР, прежде всего в Эстонии. Быстрое обострение ситуации в Балтии тревожило Койвисто. В МИД Финляндии была создана неформальная группа во главе с бывшим генконсулом в Ленинграде Яакко Кауринкоски для отслеживания событий в Эстонии (s. 128). Исходя из возможности падения Горбачёва, Койвисто сохранял осторожность, полагая, что в любом случае нужно поддерживать хорошие отношения с СССР. Стремление стран Балтии к независимости следовало, по его мнению, поддерживать, но при этом не оказываться в противопоставлении с Москвой. Переговоры прибалтийских республик с Москвой он считал единственным путём к независимости Балтии.

Складывается впечатление, что именно оценки ситуации в СССР со стороны нового руководства прибалтийских республик оказывали на Койвисто наибольшее влияние. Он с особым вниманием отнёсся, например, к суждению, высказанному премьер-министром Латвии Иварсом Годманисом во время его визита в феврале 1991 г. в Хельсинки: Ельцин не подпишет союзного договора, пока Горбачёв не согласится на требования России, после чего у Горбачёва не будет никакой роли; у Горбачёва нет выхода из ситуации (s. 174).

Цитируя в начале своей книги слова Макса Якобсона о том, что Финляндия не верила в изменения, так как не хотела их, Ю.-М. Ритванен в заключении отмечает: «Якобсон даёт понять, что в быстро менявшейся ситуации 1989–1991 гг. у Финляндии было больше того, что можно потерять, чем того, что можно выиграть». Ритванен считает такой взгляд излишне односторонним: «Ведомая президентом Койвисто Финляндия стремилась к контролируемым и умеренным изменениям, готовясь к ситуации, в которой международное политическое развитие приобретает неожиданные черты». Отказ Финляндии от военных статей договоров 1947–1948 гг. означал выход страны из сферы влияния восточного соседа. Упомянутая выше *Operaatio Paik*, по мнению Ритванена, свидетельствовала о способности внешнеполитического руководства своевременно реагировать на изменения (s. 283).

Профессор международных отношений из университета Тампере Хиски Хауккала в одной из своих работ писал, что для принятия политических решений необходим косой взгляд, когда один глаз смотрит вперёд, а другой назад — так вырисовываются геометрические узоры мировой истории (s. 283). Ритванен вполне уместно обратился к этому суждению, чтобы сделать свой вывод: «Койвисто, предпочитавший исторические аналогии, извлекал уроки из прошлого, чтобы руководствоваться ими при выборе будущего. В частности, на его взгляды в отношении внешней политики повлиял опыт военного времени. Койвисто был склонен затягивать ответ на вопрос, как в ситуации, когда вы подпускаете противника очень близко, прежде чем открыть по нему огонь из всех орудий». Однако как только ситуация для него прояснялась окончательно, он проявлял решительность. Поэтому, когда отношения с восточным соседом приобрели в январе 1992 г. совершенно иное содержание после подписания нового договора, Койвисто полностью прекратил контакты с резидентом КГБ (s. 283).

Нельзя не согласиться и с утверждением Ритванена, что для Советского Союза отношения с Финляндией являлись всего лишь маленькой второстепенной ареной, что «советское руководство не могло уделять двусторонним отношениям столько же внимания, сколько финны». Зато последним создавшаяся ситуация позволила резко нарастить своё участие в европейских интеграционных процессах.

В своей книге Ю.-М. Ритванен исключительно педантично показал динамичный процесс принятия Финляндией решения, которое всего несколькими годами ранее было немыслимо. Хотелось бы, чтобы появилось исследование и российских историков и политологов, в котором выработка советской/российской стороной политики в отношении Финляндии на рубеже 1980–1990-х гг. рассматривалась бы не на одних лишь воспоминаниях отдельных лиц, причём далеко не всегда посвящённых в суть происходящего.

Список литературы

Ritvanen, J.-M. *Mureneva kulmakivi : Suomi, Neuvostoliiton hajoaminen ja YVA-sopimus loppuvaiheet 1989–1992* / J.-M. Ritvanen. — Helsinki : Siltala, 2021. — 350 s.